

Заброшенная заправка совсем заросла бурьяном. Старый потрескавшийся бетон почти полностью скрылся под наносным песком и сухой грязью, и лишь в углу, у ржавой ручной колонки, возился Лу И, качая воду.

Братец Кай подогнал фургон к самому насосу. Тан Буфань, радостно улыбаясь, выбрался из кабины и, заметно прихрамывая, поспешил к юноше.

— И правда вода! — Тан Буфань наклонился и подставил ладони под струю. Набрал пригоршню, присмотрелся — чистая, прозрачная. Он уже опустил лицо, собираясь принятьсь, как вдруг его бесцеремонно перехватили за запястье.

— Не пей! — строго осадил его Лу И. В голосе юноши зазвучали укоризненные нотки: — Учитель, тебе что, мало прежней отравы? Вода только с виду чистая, а на деле в ней наверняка полно токсинов.

В пламени былых войн радиоактивные осадки и химические отходы давно разнеслись по всей планете, отравив атмосферу и грунтовые воды. Яд годами накапливался в телах выживших — именно так Тан Буфань и заработал свое хроническое отравление.

— Да не собирался я пить, просто принимаюсь, — Тан Буфань со смехом выплеснул ледяную воду под ноги. — Пахнет свежестью, никакой гнили. Значит, можно мыться прямо так, не тратя время на очистку через бортовой фильтр.

— Тогда начнем с большой уборки, — согласился Лу И. Он уже давно мечтал отстирать свои засаленные постельные принадлежности.

До полудня оставалось еще прилично, солнце палило нещадно — если выстирать вещи прямо сейчас, за пару часов на таком солнцепеке они высохнут досуха, и уже к вечеру их можно будет застелить обратно в фургоне.

Тан Буфань согласился с его доводами и развернулся к фургону. Лу И зашагал следом. Глядя, как тяжело Тан Буфань наступает на ногу, он заботливо спросил:

— Сильно нога ноет?

— Намного лучше. Почти не чувствую, разве что при ходьбе немного покалывает, — Тан Буфань аккуратно поднялся по ступенькам в салон. — Думаю, день-два, и бинты можно будет снять.

— Пожалуйста, не рискуй так больше.

— Слушаюсь и повинуюсь, малыш Лу И.

Лу И лишь покачал головой. Похоже, учитель припомнил ему недавнюю ворчливость из-за поцелуя в лоб. Парень невольно усмехнулся.

В фургоне Лу И первым делом вытащил из-под железной двухъярусной кровати свой скрученный матрас и подушку. Заметив, что Тан Буфань тоже пытается свернуть постель, он перехватил у него одеяло.

— Тебе сейчас тяжело на ногу наступать, давай я сам все вытащу, — сказал Лу И. — Твое дело, учитель, — просто собрать то, что нужно постирать.

— Ладно, — согласился Тан Буфань, укладывая свои вещи поверх охапки в руках юноши, и направился к стеллажам у кабины водителя.

Они работали слаженно: один собирал и сортировал, другой перетаскивал тяжести наружу. Вскоре фургон заметно опустел. Из-под кровати Тан Буфань выудил массивный ящик со старой одеждой. Подозвав Лу И, он вытащил какую-то вещь и принялся прикидывать её по плечам парня.

Тонкая кофта с длинными рукавами шилась явно на зверолода, но на рослом Лу И рукава едва доходили до предплечий. Тан Буфань озадаченно нахмурился:

— Все-таки маловата будет.

Лето клонилось к закату. И хотя зверолоды стойко переносили капризы погоды, парню не пристало круглый год щеголять в одной лишь поношенной майке.

— Это вещи Дяди Волка? — спросил Лу И, послушно замерев перед учителем.

— Его, — Тан Буфань выудил со дна свободный свитер грубой вязки с глубоким вырезом. Этот пришелся впору — рукава закрывали запястья. Тан Буфань удовлетворенно кивнул и отложил его на сиденье.

Лу И сверху вниз посмотрел на этого хрупкого мужчину, едва достававшего ему до груди. Тан Буфань с головой ушел в процесс, и на его бледном, отливающим нездоровой синевой лице сейчас читалась непривычная мягкость.

За полмесяца пути они успели изрядно сблизиться, и Лу И, улучив момент, негромко спросил:

— Учитель, расскажешь о Дяде Волке и его гэере?

Ему до смерти хотелось понять, почему Тан Буфань лишил их жизни. Учитель явно не походил на хладнокровного разбойника, готового резать глотки ради наживы.

Тан Буфань вскинул на него взгляд. На лице его не отразилось гнева, но отвечать он не спешил.

— Давай обменяемся секретами? Расскажи мне сначала о своей матери, — предложил Тан Буфань. Ему тоже не давало покоя прошлое Лу И. Парень признавался, что единственное, что связывало его с прежней жизнью, — надгробие матери. Но судя по тому, как болезненно Лу И стыдился своего полузвериного облика, та женщина вряд ли дарила ему много тепла.

Лу И замкнулся в себе. Тан Буфань не стал настаивать и молча примерил на его плечи тяжелое поношенное пальто.

Откровенности не получилось. Так ничего и не сказав, Лу И сгреб в охапку ворох отобранной одежды и выбрался наружу. Тан Буфань проводил взглядом его понурую спину, тихо вздохнул и вернулся к прерванному занятию. Он решил, что обязательно выберет время и сам все расскажет о Вольфе и Эберроне.

Около часа ушло на то, чтобы выпотрошить фургон дочиستا. Пока Лу И у колонки затевал стирку, Тан Буфань вооружился веником и влажной ветошью, принимаясь за уборку.

К тому моменту, как Тан Буфань дважды вымыл салон фургона, солнце уже перевалило за полдень. Изнывая от усталости и потирая ноющую поясницу, он спустился на землю. Лу И, примостившись на низеньком табурете, методично тер очередную рубашу. Между двумя опорами заправочного навеса он успел натянуть толстую бечеву, на которой под сухими порывами пустынного ветра уже колыхались свежевystиранные простыни и куртки.

Вокруг, прямо на засыпанном песком бетоне среди сухих плетей сорняков, сиротливо громоздились коробки, ящики и дорожная утварь.

— До заката все равно не управимся, — Тан Буфань подошел к потрепанному брезентовому сундуку и бережно извлек оттуда завернутый в вощеную бумагу брусок мыла. Протянув его Лу И, он добавил: — На, отмойся как следует.

Парень скользнул взглядом по обмылку — от бруска осталась едва ли треть — и покачал головой:

— Сначала ты, учитель.

— Я помоюсь, когда закончу с ужином. Лу И вернулся к стирке. Без мыла, в одной лишь холодной колодезной воде, дело в сухом климате шло туго, но темные разводы грязи постепенно сходили, окрашивая воду в тазу в серый цвет.

— На меня этот обмылок тратить — только добро переводить, — отмахнулся Тан Буфань. Он планировал просто хорошенько поскрести кожу жесткой мешковиной. Драгоценное мыло

предназначалось для Лу И.

Лу И бросил взгляд на его худые, хрупкие щиколотки и с абсолютной серьезностью возразил:

— У тебя отличная кожа, учитель. С чего бы это переводить добро?

Из-за ввевшихся токсинов кожа Тан Буфаня отливала нездоровой бледностью, но была на удивление гладкой и нежной, напоминая на ощупь прохладный белый нефрит.

— Кому говорят — бери! — Тан Буфань решительно швырнул обмылок на складной столик, после чего подхватил таз с водой и бесцеремонно опрокинул его прямо на голову юноше.

От такой внезапной купели Лу И опешил. Сидя на своем крошечном табурете и отплевываясь от бегущих по лицу струй, он не знал, злиться ему или хохотать.

— Ну же, ты весь день не покладая рук трудился. Дай-ка учитель хотя бы голову тебе вымоет,
— Тан Буфань зашел со спины рослого зверолода, взял со столика мыло и принялся усердно намыливать его мокрые золотистые волосы.

Пришлось отложить стирку. Обреченно вздохнув, Лу И замер, послушно подставив макушку под чужие пальцы.

Только теперь, сойдясь поближе, парень начал понимать, что за внешней мягкостью учителя скрывается упрямый и весьма своенравный характер.

— Сейчас устрою тебе королевский массаж, — Тан Буфань запустил подрагивающие от слабости пальцы в густую золотистую шевелюру. Движения его были уверенными и точными: он мягко разминал кожу, растирал мыло, и вскоре на голове у юноши взбилась пышная шапка белой пены.

Лу И блаженно прикрыл глаза. Подушечки пальцев мужчины, на удивление мягкие, бережно и в то же время ощутимо массировали виски и затылок. Ладони Тан Буфаня покрывали трудовые мозоли, но сама кожа оставалась тонкой, а прикосновения — легкими. По сравнению с тяжелыми, жесткими ручищами зверолодей, его руки казались воплощением нежности.

— Хорошо? — тихо спросил Тан Буфань. Он осторожно притянул голову парня назад, уложив затылком себе на грудь. В таком положении мыльная вода стекала по шее, не попадая в глаза.

— Угу, — промычал Лу И, послушно расслабляясь. Пригревшись, он вдыхал тонкий, едва уловимый аромат, исходивший от Тан Буфаня.

Лишь избавившись от вечно пыльного, пропахшего дорожной гарью черного балахона и сменив

его на легкую футболку с короткими шортами, Тан Буфань перестал скрывать свой истинный запах. Он оказался удивительно приятным — тонким, прохладным, с едва заметными цветочными нотами.

— Учитель... от тебя пахнет совсем как из маминой комнаты, — негромко нарушил тишину Лу И. — Она всегда жгла там особые благовония.

Пальцы Тан Буфаня на секунду замерли. Он сверху вниз посмотрел на притихшего в его руках юношу.

Не открывая глаз, Лу И поудобнее устроился на худой груди мужчины и продолжил:

— Когда-то она была лучшим фармацевтом в Подземном городе Западного округа. Мама искренне верила, что люди под землей — не более чем домашний скот, который зверолюди держат в загонах. Она люто ненавидела «Мирный договор» и втайне примкнула к организации сопротивления. Там она пыталась вывести вирус, смертельный исключительно для звероловцев. Но организацию выдали... Чтобы спасти соратников и дать им уйти, мама сдалась властям. А перед этим забрала недоработанный штамм и бежала на поверхность, решив отравить моего отца.

Тан Буфань молча внимал его исповеди, возобновив неторопливые круговые движения пальцев.

— Она выплеснула вирус ему прямо в лицо. Но отец выжил — лишь провалялся несколько месяцев в бреду. А когда оправился, силой взял её в жены. Он оставил на ней свою метку, насильно вколов мутаген и обратив в ненавистное ей звериное отродье.

Лу И медленно открыл глаза и запрокинул голову, заглядывая в лицо учителя. Глаза юноши подозрительно блестели:

— Вот почему для нее мы с братом были живым напоминанием о позоре. Выродками, которых она никогда не хотела рожать.

Тан Буфань ощутил, как болезненно сжалось сердце. А юноша тем временем коснулся пальцем своего правого, изумрудно-зеленого глаза.

— Точно такой же цвет глаз был и у нее.

Из-за хаотичного смешения генов левый зрачок Лу И отливал чистым золотом, а правый был зеленым. Но парень дорожил именно этим, материнским наследством.

— Очень красивый цвет, — Тан Буфань заглянул в его правый глаз. — Твоя мама наверняка была редкой красавицей.

— Да, — Лу И слабо улынулся воспоминаниям. — Словно принцесса из старой сказки: золотые вьющиеся локоны, изумрудный взгляд... Она наотрез отказывалась спать с отцом в одной постели, поэтому ей выделили уединенные покои в западной башне. Там всегда пахло травами и благовониями. Отец, пытаясь хоть как-то унять ее тоску, разрешил ей обустроить небольшую лабораторию, чтобы она могла составлять новые ароматы.

— Выходит, наш Лу И — настоящий принц, — ласково поддразнил его Тан Буфань. Намыленной ладонью он шутливо взъерошил ему волосы. — А я-то гадал, откуда в наших краях такое диво дивное? Оказывается, благородный наследник сбежал из замка прямо ко мне под крыло.

Лу И не выдержал и негромко фыркнул, хотя в глазах его все еще стояли слезы:

— Ну вот, опять ты надо мной подтруниваешь.

Разве бывают принцы, которых собственные матери ненавидят всем сердцем?

— Я совершенно серьезно, — мягко возразил Тан Буфань. — Посмотри на себя: сильный, надежный, да еще и редкий красавец. Кому такой помощник не нужен?

Он на секунду запнулся, а затем с тихой нерешительностью спросил:

— А твоя мама... Как ее не стало?

Длинные ресницы Лу И мелко задрожали, в разноцветных глазах плеснула затаенная мука. Он беззвучно приоткрыл рот, сию секунду сделать вдох, и лишь спустя долгую минуту выдавил осипшим голосом:

— Шагнула с крыши башни.

Тан Буфань вздрогнул. На его бледном лице отразилось глубокое потрясение. Помедлив секунду, он порывисто подался вперед и крепко прижал к себе юношу, совершенно не думая о том, что тот насквозь промок.

— Тихо-тихо... Все уже позади, — Тан Буфань гладил его по мокрой спине, стараясь согреть и успокоить. — Все прошло. Теперь ты вырос и стал сильным.

Уткнувшись носом в его худое, прохладное плечо, Лу И ощутил, как к горлу подкатывает удушливая волна слез. Но, постояв так несколько секунд, он все же не удержался от беззлобной шпильки:

— Учитель... Я же просил запомнить: мне семнадцать, а не семь.

Тан Буфань лишился дара речи. Он с досадой отстранился и легонько щелкнул парня по затылку.

— Ишь какой привередливый! Жалеют его, а он еще и нос воротит, — фыркнул Тан Буфань и вернулся к мытью головы, на сей раз ощутимо потянув парня за золотистые пряди. — Других способов утешения у меня для тебя нет. Так что терпи давай.

Спорить Лу И не решился. Он лишь послушно покачивался на своем табурете под натиском усердных рук учителя.

— Учитель, полегче, ты мне так всю шевелюру повыдергиваешь.

— Массаж окончен, — Тан Буфань со смехом опрокинул на него очередную порцию чистой воды. — Теперь перед тобой злой колдун, явившийся за твоими волосами!

Лу И тихо рассмеялся, щурясь от брызг.

Когда с мытьем головы было покончено, Тан Буфань разломил крошечный остаток мыла надвое. Большую половину он всунул в руку Лу И, а меньшую забрал себе и заковылял обратно в фургон. Один устроился в тесном салоне, а другой остался смывать дорожную пыль прямо у колонки.

Крошечный душевой отсек фургона, в котором крупному зверолюду было бы не развернуться, для хрупкого Тан Буфани казался вполне просторным. Примостившись на крышке биотуалета, он целый час увлеченно отмывал дорожную грязь, пока его бледная, синеватая кожа наконец не порозовела от горячей воды.

К тому моменту, как он выбрался наружу, на пустыню опустились сумерки. Лу И вовсю хлопотал у костра, поджаривая сочные ломти мяса. Багровые отблески пламени выхватывали из темноты очертания унылой заправочной станции, а в прохладном воздухе плыл умопомрачительный аромат специй и дыма.

Тан Буфань, на ходу вытирая мокрую голову полотенцем, подошел ближе и с облегчением опустился в раскладное кресло, подставляя лицо ласковому вечернему ветерку.

Поодаль сиротливо темнели остовы старого бензовоза и проржавевшего насквозь автобуса. Перекинув полотенце на плечи, Тан Буфань поинтересовался:

— Слушай, а топливо мы на заброшенном промысле найдем?

— Там в подсобках стоит десятка полтора запечатанных бочек, — ответил Лу И, переворачивая шипящее мясо и кивая в сторону полуразрушенных кирпичных построек за их спиной.

Заправка оказалась крошечной, но с полноценной зоной отдыха. Черные провалы оконных рам вели в заброшенные технические помещения, а у самого края виднелась покосившаяся вывеска придорожного магазинчика.

<http://bllate.org/book/19039/1950817>